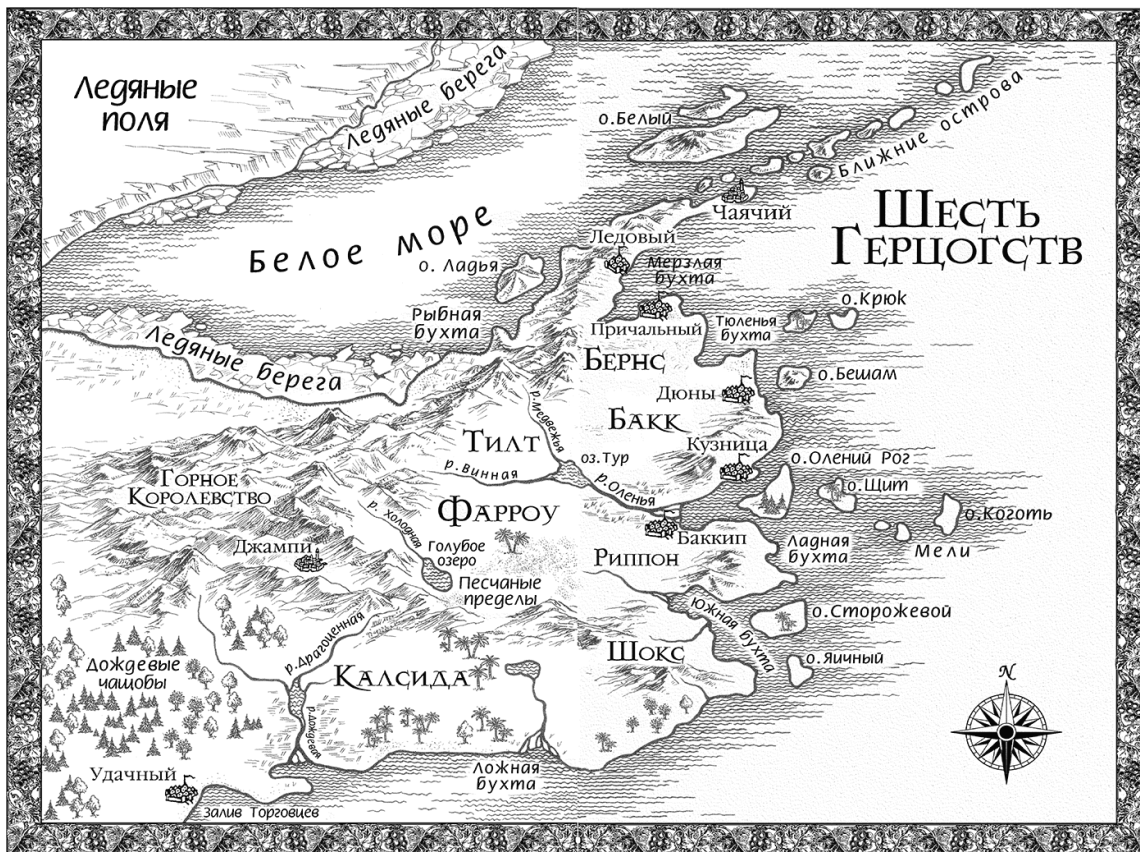
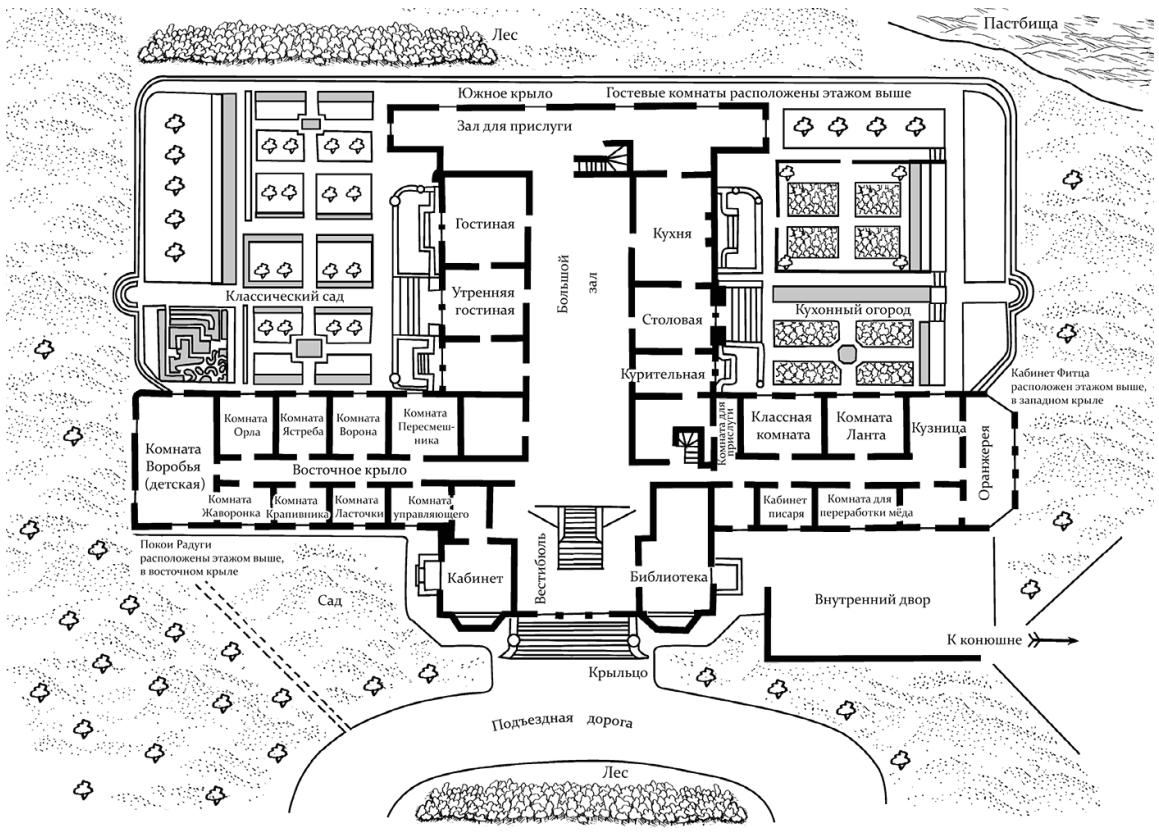

Сорену и Феликсу.
Посвящается парням

Пролог

Моя дорогая леди Финнис,

мы с вами дружим так давно, что я могу позволить себе быть откровенной. Мне сообщили сокрушительную новость – да, ту самую, на которую вы столь деликатно намекали. Мой пасынок, принц Чивэл, проявил свою грубую сущность – впрочем, я и раньше о ней знала. Стало известно о его внебрачном ребенке, коего произвела на свет горная шлюха.

Сию проблему, саму по себе постыдную, можно было решить куда более благоразумным образом, если бы его тупой как пробка брат, принц Верити, действовал быстро и решительно, избавляясь от позора. Вместо этого Верити объявил о случившемся в опрометчивом послании моему супругу.

И как же поступил мой господин пред лицом столь низменного поведения? Увы, он не только настоял, чтобы бастарда доставили в Олений замок, но вслед за этим еще и передал Чивэлу во владение Ивовый Лес и отправил его туда вместе с никчемной бесплодной женой. Ивовый Лес! Прекрасное имение, которое с удовольствием бы занял кто угодно из моих друзей, и он его подарил сыну за то, что тот породил ублюдка с простолюдинкой-чужестранкой! Король Шрюд не видит ничего дурного в том, что упомянутого ублюдка привезли сюда, в Олений замок, где любой из моих придворных сможет полюбоваться на маленького дикаря-горца.

А каково же заключительное оскорбление в адрес меня и моего сына? Шрюд постановил, что титул будущего короля перейдет к Верити и тот станет следующим предполагаемым наследником престола. Когда Чивэлу хватило благопристойности отказаться от притязаний ввиду своего позора, я втайне возликовала, уверившись, что Регала немедленно признают следующим королем. Пускай он моложе обоих сводных братьев, никто не оспорит того факта, что его родословная более благородна, а манеры в той же степени величественны, что и его имя.

Воистину, для меня здесь нет места. Как и для моего сына Регала. Отказываясь от собственной власти и титулов, чтобы сделаться королевой Шрюда, я верила, что любой ребенок, коего я понесу от него, будет рассматриваться как обладающий куда лучшим происхождением, нежели два безрассудных мальчишки, рожденные прежней королевой, и станет править после Шрюда. Но понимает ли Шрюд теперь, глядя на Чивэла, что совершил ошибку, назвав его своим наследником? Нет. Вместо этого мой супруг отодвигает его в сторону лишь для того, чтобы назначить будущим королем его придурковатого младшего брата. Верити. Громилу Верити, наделенного квадратной челюстью и изяществом быка.

Это чересчур, моя дорогая. Мне не по силам вынести подобное. Я бы покинула двор, но не могу оставить Регала без моей защиты.

Письмо королевы Дизайер к леди Финнис из Тилта

Я ненавидел ее, когда был мальчишкой. Помню, как впервые нашел это послание, незаконченное и неотправленное. Я его прочел и удостоверился, что королева, с которой нас друг другу официально так и не представили, в самом деле меня ненавидела с той минуты, как узнала о моем существовании. Наши чувства были взаимны. Я никогда не спрашивал Чейда, откуда у него взялось это письмо. Сам бастард и сводный брат короля Шрюда, Чейд никогда не колебался, действуя в наилучших интересах трона Видящих. Может, он его похитил с письменного стола королевы Дизайер. Может, это была его хитрость, чтобы представить дело так, будто королева пренебрегла леди Финнис, не ответив на ее письмо. Разве теперь это имеет значение? Не знаю, ибо мне неведомо, какого результата мой старый наставник добился при помощи этого воровства.

И все же иногда я задаюсь вопросом, было ли случайностью то, что я нашел и прочитал письмо королевы Дизайер к леди Финнис, или же Чейд намеренно способствовал такому разоблачению. В те дни он был моим наставником: обучал меня всему тому, что должен уметь убийца на королевской службе. Чейд служил своему королю без жалости: убивал, шпионил и манипулировал двором в Оленьем замке – и обучил меня тому же. Королевскому бастарду, говорил мне Чейд, ничего не угрожает при дворе лишь до той поры, пока он полезен. Видимо, я был

непритязательным бастардом, и в те дни, когда я одолевал опасные течения дворцовой политики, мне доставались только невнимание или бранные слова. Однако мы оба с королем Шрюдом знали, что меня защищали как королевская рука, так и рука его убийцы. И все же Чейд учил меня не только ядам, искусству владения ножом и трюкам, но и тому, что должен делать бастард королевской крови, чтобы выжить. Хотел ли он предупредить меня или привить мне ненависть, чтобы крепче привязать к себе? Даже эти вопросы я задаю самому себе слишком поздно.

На протяжении многих лет я видел множество обликов королевы Дизайер. Сперва она была той отвратительной женщиной, которая ненавидела моего отца и еще сильнее ненавидела меня, женщиной, в чьих силах оказалось сдернуть корону с головы принца Чивэла и обречь меня на жизнь презренного бастарда, носившего клеймо позорного происхождения, заключенное в самом моем имени. Помню, одно время я боялся даже просто попадаться ей на глаза.

Спустя несколько лет после моего прибытия в Олений замок мой отец был убит в Ивовом Лесу, и за этим, скорее всего, стояла она. И все же ни я, ни Чейд ничего не могли поделать, не могли потребовать никакой справедливости. Помню, как я спрашивал себя, пребывает ли король Шрюд в неведении или же ему это безразлично. Помню, как абсолютно уверился в том, что, если королева Дизайер пожелает моей смерти, ей нужно будет лишь попросить об этом. Тогда я даже гадал, защитит ли меня Чейд или покорится своему долгу и позволит этому случиться. Подумать только, о чем я размышлял, будучи ребенком...

Ивовый Лес я воспринимал как суровое место ссылки и унижения. Когда я был мальчишкой и жил в Оленьем замке, мне сказали, что туда удалился мой отец, прячась от позора, живым свидетельством которого был я. Принц Чивэл отрекся от трона и короны, склонил голову перед болью и гневом своей законной супруги Пейшенс, извинился перед королем и двором за то, что ему не хватило добродетели и благоразумия, и сбежал от своего презренного бастарда.

И потому я представлял себе Ивовый Лес укрепленным замком на холме, подобным всем тем местам, где мне доводилось жить. Думая о нем, я вспоминал частокол Мунсея в Горном Королевстве или отвесные стены Оленьего замка на вершине неприступных и грозных черных скал, обращенных к морю. Я воображал себе отца

погруженным в одинокие раздумья посреди холодного каменного зала, где стены увешаны боевыми знаменами и древним вооружением. Я представлял себе каменистые поля, переходящие в затянутые серым туманом болота.

Позже мне предстояло обнаружить, что Ивовый Лес – это величественной особняк, большой и удобный дом, построенный в широкой и изобильной долине. Стены его были не из камня, но из золотого дуба и плотного клена, и, хотя полы в залах выложили плоским речным камнем, для внутренней отделки использовали панели из древесины теплых тонов. Солнечный свет озарял возделанную долину и щедро струился сквозь высокие, узкие окна дома. Широкую подъездную дорожку, ведущую к парадному входу, обрамляли изящные белые березы. Осенью дорога покрывалась их сброшенной листвой, точно золотым ковром, а зимой они склонялись над ней под тяжестью снега, образуя туннель из белого ледяного кружева, просвечивающего синевой небес.

Ивовый Лес был не крепостью изгнанников, не местом ссылки, но достойным домом для моего отца и его бесплодной жены. Думаю, дед любил моего отца столь же сильно, сколь мачеха его ненавидела. Король Шрюд отправил сына в отдаленное поместье, чтобы уберечь.

И когда пришло мое время удалиться туда с женщиной, которую я любил, с ее милыми мальчиками и той, что всегда желала быть мне матерью, Ивовый Лес на время стал для нас спокойным и мирным пристанищем.

Время – недобрый учитель, мы всегда усваиваем его уроки слишком поздно, когда от них уже нет никакого проку. Озарения приходят ко мне спустя годы после того, как я мог бы обратить их себе во благо. Теперь, вспоминая «старого» короля Шрюда, я вижу его человеком во власти долгого изнуряющего недуга, из-за которого собственное тело предало его, а ум утратил остроту. Что еще хуже, я вижу королеву Дизайер такой, какой она была на самом деле: не злобной женщиной, вознамерившейся наполнить мою незначительную жизнь отчаянием, но матерью, преисполненной безжалостной любви к единственному сыну, уверившейся в том, что никто и никогда не должен им пренебречь. Она бы ни перед чем не остановилась, чтобы посадить его на трон.

Чего бы я не сделал, чтобы защитить мою маленькую дочь? На что бы не решился, где бы провел черту, рассудив, что дальше заходить нельзя? Если ради нее я убил бы кого угодно без сожалений, означает ли это, что я – чудовище?

Или просто отец?

Но все мы крепки задним умом. Уроки усвоены слишком поздно. Будучи еще молодым человеком, в собственной шкуре я чувствовал себя согбенным стариком, полным боли и тоски. О, как я жалел себя и как оправдывал все свои дикие поступки! И когда пришел мой черед сделаться мудрым главой семейства, я оказался заперт, как в ловушке, в теле человека средних лет, все еще подверженного этим страстям и порывам, все еще полагающегося на силу своей правой руки, в то время как более мудрым было бы остановиться и привлечь к делу свой здравый смысл.

Уроки, усвоенные слишком поздно. Озарения, случившиеся спустя десятилетия.

И столько потерь, которых могло бы не быть.

1. Ивовый лес

Баррич, старый друг,

что ж, кажется, мы обустроились здесь. Это было непростое время как для меня, так и для тебя, если я правильно понял, что за чувства скрывает твое немногословное письмо. Дом громадный, слишком большой для нас двоих. Ты, как всегда, спросил о наших лошадях, прежде чем поинтересоваться моим собственным здоровьем. Отвечу сперва на твой вопрос. Рад сообщить, что Шелковинка довольно спокойно восприняла перемену конюшни, как и положено благовоспитанной верховой лошади, какой она всегда была. Рослый, напротив, обзавелся новым увлечением – начал задирать местного жеребца, но мы приняли меры и позаботились о том, чтобы их стойла и загоны находились теперь достаточно далеко друг от друга. Я уменьшил его порцию зерна, и здесь есть молодой конюх по прозвищу Толлмен Дылда – надо же, какое совпадение, – который пришел в полный восторг, когда я попросил его выводить коня и как следует гонять его по меньшей мере один раз в день. Уверен, что при таком образе жизни Рослый скоро угомонится.

Моя почтенная супруга... Ты о ней не спросил, но я же тебя знаю, дружище. И потому поведаю тебе, что Пейшенс была в ярости, страдала, грустила, устраивала истерики и сменила еще сотню других настроений по поводу сложившейся ситуации. Она бранит меня из-за того, что я был ей неверен до нашей встречи, а миг спустя прощает и винит саму себя за то, что не произвела на свет наследника, ведь «конечно же, дело целиком и полностью» в ней. Мы вдвоем как-то с этим справимся.

Я ценю, что ты взял на себя мои прочие обязанности. Брат поведал мне достаточно о нраве твоего подопечного, чтобы я смог выразить вам обоим свою поддержку и глубочайшую признательность. На кого еще я мог бы положиться в такие времена, в связи со столь необычной услугой?

Верю, ты поймешь, почему я соблюдаю осмотрительность в этом отношении. Погладь за меня Рыжую, обними и дай большую

кость. Уверен, я в долгу перед ее бдительностью в той же степени, что и перед твоей. Жена зовет меня из зала внизу. Я должен закончить письмо и отослать его. Возможно, мой брат передаст тебе мое послание, когда ваши пути пересекутся в следующий раз.

Неподписанное письмо Чивэла главному конюшему Барричу

На голых черных ветвях берез вдоль подъездной дороги выросли белые шапки свежевывающего снега. Белое на черном сияло, словно пестрое зимнее одеяние шута. Снег сыпался крупными хлопьями, добавляя свежий слой блистающей белизны к сугробам во внутреннем дворе. Он смягчал четкие края свежих следов от колес на дороге, стирал отпечатки мальчишеских ног на снегу и сглаживал протоптанные дорожки так, что от них остались одни намеки. Пока я наблюдал, прибыла еще одна карета, запряженная серыми в яблоках лошадьми. Красный плащ на плечах возницы был припорошен снегом. Паж в зеленом и желтом метнулся со ступеней Ивового Леса, чтобы открыть дверцу кареты и взмахом руки приветствовать наших гостей. Со своего наблюдательного пункта я не разглядел, кто это, но одежда свидетельствовала, что это скорее купцы из Ивняков, нежели мелкие дворяне из какого-нибудь имения по соседству. Когда они скрылись из вида, а их возница покатила карету к нашей конюшне, я взглянул на послеполуденное небо. Снегопад, безусловно, продолжится. Вероятно даже, продлится всю ночь. Что ж, так и должно быть. Я отпустил занавеску и повернулся как раз в тот момент, когда Молли вошла в нашу спальню.

– Фитц! Ты еще не готов?

Я окинул себя взглядом:

– Я думал, что готов...

В ответ на это жена поцокала языком:

– Ох, Фитц! Это же Зимний праздник! Залы украшены зелеными ветвями, Пейшенс и Натмег наготовили столько еды, что весь дом будет ею питаться, наверное, еще три дня, все три группы менестрелей, которых пригласила Пейшенс, настраивают инструменты, и половина наших гостей уже прибыла. Тебе следует быть внизу, приветствуя их у входа. А ты еще даже не одет.

Я хотел было спросить ее, что не так с моим нарядом, но она уже рылась в сундуке с вещами, вытаскивала предметы одежды,

рассматривала их и бросала. Я ждал.

– Это, – проговорила она, вынимая белую льняную рубашку с кружевными рубчиками вдоль рукавов. – А поверх нее вот этот камзол. Все знают, что, если надеть зеленое на Зимний праздник, это принесет удачу. Твоя серебряная цепочка подойдет к пуговицам. Эти штаны. Они такие старомодные, что ты в них будешь выглядеть стариканом, но, по крайней мере, не так обвисают, как те, что на тебе сейчас. Вот только этого мне еще не хватало – просить тебя надеть новые брюки.

– Так ведь я и есть старикан. И в сорок семь мне уж точно позволено одеваться как захочу.

Она нахмурилась, взглянула на меня с притворной строгостью. Уперла руки в бока.

– Ты меня назвал старухой, любезный? Ибо я припоминаю, что старше тебя на три года.

– Разумеется, нет! – поспешно исправился я. Но не ворчать было невозможно. – Однако я никак не могу взять в толк, почему все желают наряжаться, словно аристократы из Джамелии. Ткань на этих брюках такая тонкая, что они порвутся, даже если слегка зацепиться о побеги ежевики, и...

Она посмотрела на меня и раздраженно вздохнула:

– Да. Я это слышала от тебя уже сто раз. Давай не будем обращать внимание на те несколько побегов ежевики, которые могут вдруг отыскаться в стенах Ивового Леса, хорошо? Итак, надень чистые штаны. Те, что на тебе, выглядят кошмарно; разве ты не в них вчера помогал разобраться с той лошадью, с трещиной в копыте? И надень домашние туфли, а не эти поношенные ботинки. Тебе придется танцевать, знаешь ли.

Она выпрямилась, закончив раскопки в моем сундуке с одеждой. Смирившись с неизбежным, я уже начал раздеваться. Стянув рубашку через голову, я встретился взглядом с Молли. На губах моей жены была знакомая улыбка, и, разглядывая ее веночек из остролиста, водопад из кружева на блузе и веселую вышивку на верхней юбке, я невольно улыбнулся в ответ. Она отступила на шаг, улыбаясь еще шире.

– Давай же, Фитц. Там внизу гости, они ждут нас.

– Они так долго ждали, потерпят еще чуть-чуть. Наша дочь сумеет их занять.

Я шагнул вперед. Она попятилась к двери и положила руку на дверную ручку, не переставая качать головой, так что черные кудри плясали над ее лбом и на плечах. Опустив голову, она взглянула на меня сквозь ресницы и внезапно показалась вновь девчонкой. Своенравной девчонкой из Баккипа, за которой я гонялся по песчаному пляжу. Вспомнила ли она об этом? Возможно, ибо моя жена прикусила нижнюю губу и я увидел, что решимость ее почти растаяла. Потом она сказала:

– Нет. Наши гости не должны ждать, и хотя Неттл может их встретить, приветствие от дочери хозяина дома не то же самое, что выражение признательности от тебя и меня. Риддл может стоять за ее плечом в качестве нашего управляющего и помогать ей, но, пока король не даст им разрешения на брак, мы не должны представлять их женихом и невестой. Так что потерпеть придется нам с тобой. Потому что сегодня вечером «чуть-чуть» мне будет мало. Я рассчитываю, что ты уделишь мне больше времени и сил.

– Правда? – поддразнил я ее и сделал два быстрых шага в ее сторону, однако Молли с девичьим взвизгом вылетела за дверь. Почти ее закрыв, прибавила сквозь щель: – Поторопись! Ты ведь знаешь, как быстро праздники Пейшенс начинают идти не по плану. Я оставила Неттл за главную, но ты же понимаешь – Риддл от Пейшенс кое в чем почти не отличается. – Пауза. – И не смей опаздывать и оставлять меня без партнера во время танцев!

Она захлопнула дверь, как раз когда я оказался рядом. Я остановился и затем, негромко вздохнув, вернулся за чистыми штанами и домашними туфлями. Она хочет, чтобы я танцевал, и я буду стараться изо всех сил. Я действительно знал, что Риддл склонен развлекаться во время любых празднеств в Ивовом Лесу с самозабвенностью, совсем несвойственной тому сдержанному парню, каким он выглядит в Оленьем замке, и, возможно, не очень-то подходящей для человека, который считается всего лишь бывшим управляющим нашего поместья. Я невольно улыбнулся. Время от времени его примеру следовала Неттл, тоже выказывая веселость, какой за ней не водилось при дворе короля. Хирсу и Джасту, двум из шести взрослых сыновей Молли, пока не покинувшим наш дом, не требовалось много уговоров, чтобы присоединиться. Поскольку Пейшенс пригласила половину населения Ивняков и куда больше

музыкантов, чем могли бы выступить за один вечер, наш веселый Зимний праздник наверняка продлится три дня, а то и дольше.

Я с некоторой неохотой переоделся в джамелийские штаны. Они были из тонкого темно-зеленого, почти черного, льна и выглядели такими широкими, что издали можно было принять их за юбку. На талии штаны скреплялись лентами, а широкий шелковый пояс довершал этот нелепый предмет одежды. Я сказал себе: придется потерпеть, дабы порадовать Молли. Наверное, и Риддла уговорили надеть нечто похожее. Я снова вздохнул, спрашивая себя, зачем всем нам подражать джамелийской моде, а потом смирился. Закончил одеваться, с трудом собрал волосы в воинский хвост и покинул нашу спальню. У начала величественной дубовой лестницы приостановился; снизу доносились звуки веселья. Я набрал полную грудь воздуха, будто собираясь нырнуть в глубокий водоем. У меня не было поводов бояться, не было причин для колебаний, и все же въевшиеся в далеком детстве привычки по-прежнему не отпускали меня. Я имел полное право спуститься по этой лестнице, пройти сквозь веселую компанию внизу как хозяин дома и супруг леди, которой он принадлежал. Теперь я был известен как помещик Том Баджерлок – рожденный простолюдином, но возвысившийся благодаря леди Молли до статуса мелкопоместного дворянина. Бастард Фитц Чивэл Видящий – внук, племянник и кузен королей – был похоронен четыре десятка лет назад. Для собравшихся внизу я был помещиком Томом и устроителем пира.

Даже в этих глупых джамелийских штанах.

Я задержался еще на миг, прислушиваясь. Две разные группы менестрелей наперегонки настраивали инструменты. Внезапно раздался ясный и громкий смех Риддла, заставивший меня улыбнуться. Гул голосов, доносившихся из Большого зала, сделался громче, а потом опять притих. Одна из групп менестрелей взяла верх, ибо сквозь голоса вдруг прорвалась бодрая барабанная дробь и заглушила прочие звуки. Вскоре начнутся танцы. Я и впрямь опаздывал, и мне стоило бы спуститься. Но было нечто приятное в том, чтобы стоять здесь, над всем этим, представляя, как мелькают ноги и горят глаза Неттл, когда Риддл ведет ее в танце. Ох, а Молли! Она ведь ждет меня! Ради нее за минувшие годы я сделался сносным

танцором, раз уж она так любила это дело. Если из-за меня ей придется стоять в сторонке, добиться ее прощения будет нелегко.

Я поспешил вниз, перепрыгивая через две полированные дубовые ступеньки зараз, достиг передней, и там, словно выскочив из засады, передо мной внезапно оказался Ревел. Наш новый молодой управляющий, безусловно, отлично выглядел в белой рубашке, черном жакете и черных брюках в джамелийском стиле. Из облика выбивались зеленые домашние туфли, а еще желтый шарф на шее. Зеленый и желтый были цветами Ивового Леса, и я подозревал, что эти аксессуары были идеей Пейшенс. Я спрятал улыбку, но, думаю, Ревел прочел все по глазам. Он вытянулся еще сильнее и, глядя на меня сверху вниз, чопорно сообщил:

– Сэр, у дверей ждут менестрели.

Я устремил на него озадаченный взгляд:

– Ну так впусти их. Это же Зимний праздник.

Ревел, неодобрительно скривив губы, остался на месте:

– Сэр, я не думаю, что их пригласили.

– Это Зимний праздник, – повторил я, раздражаясь.

Молли не понравится, что ее заставляют ждать. Пейшенс пригласила каждого встреченного менестреля, кукольника, акробата, ремесленника и кузнеца прийти и пожить у нас в праздничные дни. Она, возможно, пригласила их несколько месяцев назад и забыла об этом.

Я не думал, что спина Ревела может сделаться еще более напряженной, но так и вышло.

– Сэр, они были возле конюшни, пытались заглянуть внутрь через щель между досками. Толлмен услышал лай собак, отправился посмотреть, в чем дело, и нашел их. Тогда-то они и назвались менестрелями, приглашенными на Зимний праздник.

– И?

Он коротко вздохнул:

– Сэр, не думаю, что это менестрели. У них нет инструментов. И в то время как один сказал, что они менестрели, другой заявил – нет, акробаты. Но когда Толлмен сказал, что проводит их к парадному входу, они ответили, дескать, не надо, им нужно лишь пристанище на одну ночь, и конюшня для этого прекрасно подойдет. – Он покачал

головой. – Толлмен перемолвился со мной словечком, когда привел их. Он думает, они не те, за кого себя выдают. И я с ним согласен.

Я посмотрел на Ревела. Управляющий скрестил руки на груди. Он не смотрел мне в глаза, но упрямо поджимал губы. Я вынудил себя быть с ним терпеливее. Он был молод и появился в имении относительно недавно. Крэвит Софтхэндз, наш престарелый управляющий, умер в прошлом году. Риддл добровольно взвалил на себя многие обязанности старика, но настоял, чтобы для Ивового Леса обучили нового управляющего. Я небрежно ответил, что у меня нет времени на его поиски, и через три дня Риддл привел к нам Ревела. Прошло всего два месяца, и он еще не освоился, сказал я самому себе. Да и Риддл мог перестараться, внушая ему необходимость соблюдать осторожность. Риддл, как ни крути, – человек Чейда, внедренный в наш дом, чтобы охранять мой тыл и, возможно, шпионить за мной. Несмотря на его нынешнюю веселость и преданность моей дочери, он пропитался осторожностью до мозга костей. Дай ему волю – и у нас в Ивовом Лесу появится стража не хуже, чем у королевы... Спыхватившись, я заставил себя сосредоточиться на деле.

– Ревел, я ценю твою заботу. Но это Зимний праздник. И будь они менестрели или бродяги-попрошайки, в такой праздник или в такой снегопад на ночь глядя мы не можем никого прогнать от своих дверей. Пока в доме есть место, им нет нужды спать на конюшне. Веди их сюда. Уверен, все будет в порядке.

– Да, сэр.

Он не согласился, но подчинился. Я подавил вздох. Пока что и так сойдет. Я повернулся, намереваясь присоединиться к собравшимся в Большом зале.

– Сэр?

Я снова повернулся и сурово спросил:

– Что-то еще, Ревел? Что-то срочное?

Я услышал осторожные ноты – музыканты сводили свои инструменты в гармонию, – а потом внезапно хлынула музыка. Ну вот, пропустил начало первого танца. Я стиснул зубы, подумав о том, как Молли стоит в одиночестве и смотрит на кружащиеся пары.

Ревел на миг прикусил нижнюю губу в сомнении и решил продолжить:

– Сэр, вестник все еще ждет вас в кабинете.

– Вестник?

Ревел издал мученический вздох:

– Несколько часов назад я отправил одного из наших временных пажей с сообщением для вас. Он сказал, что прокричал его через дверь парилки. Вынужден заметить, сэр: вот к чему приводит то, что мы нанимаем в качестве пажей необученных мальчиков и девочек. Нам нужны постоянные пажи, хотя бы ради того, чтобы обучить их на будущее.

Я тоскливо взглянул на Ревела, и он, прочистив горло, сменил тактику:

– Прошу прощения, сэр. Я должен был послать пажа к вам еще раз, чтобы убедиться, что вы его услышали.

– Я не услышал. Ревел, ты не мог бы заняться этим вместо меня? – Я неуверенно шагнул в сторону зала. Музыка звучала все громче.

Управляющий коротко покачал головой:

– Мне очень жаль, сэр. Но вестник настаивает на личной встрече с вами. Я дважды спросил, могу ли как-то помочь, и предложил записать сообщение, чтобы передать его вам. – Он покачал головой. – Вестник твердит, что послание предназначено только для ваших ушей.

Тогда я догадался, что это за сообщение. Помещик Барит пытался добиться моего согласия на то, чтобы он отправлял часть своего стада на выпас вместе с нашими овцами. Наш пастух Лин был непреклонен, настаивая на том, что в этом случае на нашем зимнем пастбище окажется слишком много животных. Я намеревался прислушаться к Лину, даже если Барит теперь желал предложить достойную сумму денег. Канун Зимнего праздника – не время для деловых вопросов. Они могут и подождать.

– Все в порядке, Ревел. И не будь слишком суров с пажами. Ты прав. Нам надо принять одного или двоих на постоянную работу. Но большинство из них, когда станут старше, захотят работать в садах или заниматься тем же ремеслом, что их родители. Они лишь изредка требуются нам здесь, в Ивовом Лесу.

Я не желал думать об этом прямо сейчас. Молли ждет! Я перевел дух и принял решение.

– Пусть с моей стороны и неразумно принудить посланника ждать так долго, куда более грубым поступком будет оставить мою леди без партнера во время второго танца, как уже вышло с первым.

Пожалуйста, передай посланнику мои извинения за прискорбную задержку и позаботься о том, чтобы ему принесли еду и питье. Скажи, что я приду в кабинет сразу же после второго танца.

На самом деле я не хотел этого делать. Праздник манил меня. Тут мне на ум пришла идея получше.

– Нет! Пригласи-ка его присоединиться к пиру. Скажи, пусть повеселится, а завтра до полудня мы сядем и все обсудим.

Я понятия не имел, какое дело может оказаться столь безотлагательным, чтобы им пришлось заняться прямо сейчас.

– Ее, сэр.

– Ревел?

– Ее. Вестник – девушка, сэр. Совсем молоденькая, судя по виду. Разумеется, я уже предложил ей еду и питье. Я бы не выказал подобного пренебрежения ни к кому из тех, кто стучится в ваши двери. Не говоря уже о человеке, который, похоже, прошел долгий и трудный путь.

Музыка играла, Молли ждала. Лучше пусть посланница подождет, чем Молли.

– Тогда предложи ей комнату и спроси, желает ли она принять горячую ванну или спокойно перекусить в одиночестве, прежде чем мы встретимся завтра. Приложи все усилия к тому, чтобы ей было удобно, Ревел, и завтра я уделю ей столько времени, сколько она захочет.

– Будет сделано, сэр.

Он повернулся, чтобы вернуться в прихожую, а я поспешил в Большой зал Ивового Леса. Высокие двери были открыты, панели из золотого дуба блестели в свете факелов и свечей. Музыка и ритмичные шаги танцующих лились из обшитого панелями коридора, но стоило мне приблизиться, как музыканты сыграли последний припев и с громкими возгласами первый танец завершился. Я закатил глаза от такого невезения.

Но когда я вошел в зал, окунувшись в волну аплодисментов, адресованных менестрелям, то увидел, как партнер Молли по танцу с серьезным видом кланяется ей. Мой пасынок спас свою мать и повел ее танцевать. Юный Хирс в последний год рос не по дням, а по часам. От Баррича, его отца, ему передалась суровая мужская красота, но выражение лица и в особенности улыбку Хирс унаследовал от Молли.

В свои семнадцать он смотрел сверху вниз на ее макушку. Щеки Молли зарделись от быстрого танца, и она выглядела так, словно ничуть по мне не скучала. Когда моя жена подняла глаза и наши взгляды встретились, она улыбнулась. Я благословил Хирса и решил, что должен обязательно его отблагодарить. По другую сторону комнаты его старший брат, Джаст, отдыхал у очага. Рядом стояли Неттл и Риддл; Неттл слегка покраснелась, и я понял: Джаст дразнит старшую сестру, а Риддл его поддерживает.

Я прошел через весь зал к Молли, часто приостанавливаясь, чтобы поклониться и ответить на приветствия многочисленных гостей. На нашем пиру люди собрались самые разные. Помещики и мелкие аристократы из наших краев, отлично одетые, в кружевах и льняных брюках; лудильщик Джон, деревенская портниха и местный сыровар тоже были здесь. Их парадные наряды, может, и были чуть более старомодными, а у некоторых и сильно поношенными, но по случаю праздника их как следует вычистили, а сияющие короны из остролиста и веточки, украшавшие прически и наряды, были свежими. Молли не пожалела для пира своих лучших душистых свечей, и воздух наполнился запахами лаванды и жимолости, а танцующие огоньки окрасили стены в золотые и медовые тона. Сильное пламя полыхало во всех трех каминах, где на вертелах жарилось мясо под присмотром специально нанятых краснолицых деревенских парней. Несколько горничных суетились возле бочонка с элем в углу, наполняя кружки на подносах, чтобы предложить их запыхавшимся танцорам, когда музыканты прервутся.

В одном конце комнаты стояли столы, ломившиеся от хлебов, яблочек и тарелок с изюмом и орехами, булочками и пирожными, блюд с копченым мясом и рыбой и многими другими яствами, незнакомыми мне. Истекающие соком куски мяса, только что срезанные с туш на вертелах над огнем, были такие аппетитные, что лучше и желать нельзя, и добавляли свой богатый аромат в атмосферу праздника. Многие гости, рассевшись на скамьях, уже наслаждались едой и напитками, ибо пива и вина тоже было предостаточно.

В другом конце зала первая группа менестрелей уступала сцену второй. Пол для танцев был усыпан песком. Несомненно, когда гости только прибыли, на песке были нарисованы изящные узоры, но теперь там красовались лишь суетливые цепочки следов пирующих. Едва я

подошел к Молли, как музыканты заиграли первые ноты. Эта мелодия была настолько же печальной, насколько первая веселой, так что, когда Молли взяла меня за руку и повела к танцевальной площадке, я сумел удержать обе ее руки в своих и услышать ее голос сквозь музыку.

– Ты сегодня отлично выглядишь, помещик Баджерлок. – Она подвела меня к другим мужчинам, выстроившимся в линию.

Я степенно кивнул, не разнимая наших рук:

– Если ты довольна, то я спокоен.

Я старался не обращать внимания на то, как ткань брюк захлопала по икрам, когда мы повернулись, ненадолго разошлись, а потом снова взяли друг друга за руки. Я мельком увидел Риддла и Неттл. Да, Риддл был в таких же широких брюках, и он держал мою дочь не за кончики пальцев, но за кисти рук. Неттл улыбалась. Снова переведя взгляд на Молли, я увидел, что она тоже улыбается. Она заметила, куда я смотрел.

– Неужели мы были такими же в молодости? – спросила моя жена.

Я покачал головой и сказал:

– Думаю, нет. Когда нам было столько же лет, жизнь наша была куда более суровой.

Я увидел, как ее мысли обратились к далекому прошлому.

– В возрасте Неттл у меня уже было трое детей и я носила четвертого. А ты...

Она не стала продолжать, и я ничего не сказал. Я жил в маленькой хижине возле Кузницы вместе с моим волком. Был ли это год, когда я приютил Неда? Сирота был рад обрести дом, а Ночной Волк – веселую компанию. В то время я покорился судьбе, уступив Молли Барричу. Прошло девятнадцать долгих лет. Я оттолкнул прочь длинную тень тех дней. Подошел ближе, положил руки Молли на талию и приподнял ее, когда мы повернулись. Она уперлась руками мне в плечи, приоткрыла рот от удивления и удовольствия. Другие танцоры вокруг нас ненадолго вытаращили глаза. Снова поставив ее на пол, я заметил:

– И по этой причине мы должны быть молоды сейчас.

– Ты себя имеешь в виду?

Ее щеки порозовели, и она слегка запыхалась, когда мы выполнили еще одну танцевальную фигуру, а потом повернулись, разошлись и снова сошлись. Или почти сошлись. Нет, я должен был повернуться еще раз, а потом... Я все безнадежно перепутал, а ведь как раз

гордился тем, что помню каждый шаг после прошлого раза, когда мы это танцевали. Другие танцоры отпрянули, разделились и двинулись мимо, словно я был упрямой скалой посреди ручья. Я завертелся в поисках Молли и обнаружил, что она стоит позади, прижав руки ко рту в безуспешной попытке сдержать смех. Я потянулся к ней, намереваясь вернуть нас обоих в танец, но она схватила меня за руки и вытащила прочь с танцевальной площадки, беззвучно смеясь. Я закатил глаза и попытался извиниться, но услышал в ответ:

– Все в порядке, дорогой. Немного отдохнуть и что-нибудь выпить будет в самый раз. Хирс чуть раньше утомил меня своими плясками. Мне надо передохнуть.

У Молли вдруг перехватило дыхание, и она прислонилась ко мне. Ее лоб блестел от пота. Она приложила руку к задней части шеи и потерла ее, словно пытаясь облегчить судорогу.

– Мне тоже, – соврал я.

Ее лицо покраснелось, и она слабо мне улыбнулась, прижав руку к груди, будто пытаясь успокоить колотящееся сердце. Я улыбнулся в ответ и повел ее к креслу у очага. Едва я усадил Молли, как у моего локтя появился паж и предложил принести вина. Она кивнула, и он умчался прочь.

– Что это у него пришито по краю шапочки? – рассеянно спросил я.

– Перья. И кисточки из конского волоса. – Молли все никак не могла отдышаться.

Я вопросительно уставился на нее.

– Такой у Пейшенс был каприз в этом году. Все мальчишки, которых она наняла в Ивняках в качестве пажей на время праздника, одеты таким образом. Перья – чтобы все наши невзгоды улетели прочь, и конский волос – чтобы указать, что мы помашем хвостом нашим бедам и тревогам, когда сбежим от них.

– А-а... понимаю. – Моя вторая ложь за вечер.

– Что ж, славно, что ты понимаешь, потому что я-то ничего не понимаю. Но каждый Зимний праздник особенный, верно? Помнишь тот год, когда Пейшенс выдала каждому холостяку, пришедшему на праздник, посохи из свежесрубленных веток? И длина соответствовала тому, как она оценивала их мужское достоинство?

Я с трудом сдержал смех:

– Помню. По всей видимости, она считала, что молодым дамам требуется четкое указание на то, из каких мужчин получатся лучшие супруги.

Молли подняла брови:

– Может, так оно и было. На Весенний праздник в том году сыграли шесть свадеб.

Моя жена окинула зал взглядом. Пейшенс, моя мачеха, была одета в величественное старое платье из бледно-синего бархата с отделкой из черного кружева на манжетах и воротнике. Ее длинные седые волосы были заплетены в косу и уложены венцом на голове. В него была воткнута единственная веточка остролиста, и несколько десятков ярко-синих перьев торчали под разными углами. С браслета на запястье свешивался веер; он был синий, в тон платью и перьям, и еще имел по краю оборку из жесткого черного кружева. Мне Пейшенс казалась одновременно милой и вызывающе оригинальной, как всегда. Она грозила пальцем младшему сыну Молли, предупреждая его о чем-то. Хирс стоял, выпрямив спину, и мрачно смотрел на нее сверху вниз, но его сцепленные за спиной пальцы подергивались. Его брат Джаст держался поодаль, прятал ухмылку и ждал, пока Хирса отпустят. Я пожалел обоих. Пейшенс, похоже, считала, что им все еще десять и двенадцать, хоть они теперь и возвышались над ней. Джасту вот-вот должно было исполниться двадцать, а семнадцатилетний Хирс был младшим сыном Молли. Но он стоял и, точно провинившийся мальчишка, смиренно выслушивал упреки Пейшенс.

– Хочу сообщить леди Пейшенс, что прибыли новые менестрели. Надеюсь, это последняя компания. Если появится еще кто-то, подозреваю, им придется с помощью кулаков решать, кто будет выступать и как долго.

Всем менестрелям, приглашенным выступить в Ивовом Лесу, полагаюсь еда и теплая постель на ночь, а еще небольшой кошелек за работу. Остаток вознаграждения они получали от гостей, и нередко музыканты, которые выступали чаще других, собирали самую большую выручку. Трех групп менестрелей было более чем достаточно для Зимнего праздника в нашем поместье. Четвертая все усложнит.

Молли кивнула и приложила руки к розовеющим щекам:

– Думаю, я еще немного посижу тут. О, вот и мальчик с моим вином!

В музыке наступило затишье, и я воспользовался возможностью быстро пересечь танцевальную площадку. Увидев меня, Пейшенс сначала улыбнулась, а потом нахмурилась. Когда я оказался рядом, она уже забыла про Хирса, и он сбежал вместе с братом. Она захлопнула веер, ткнула им в мою сторону и с упреком спросила:

– Куда ты дел свои штаны? Эти юбки хлопают вокруг твоих ног, словно ты корабль с порванными во время шторма парусами!

Я посмотрел на брюки, потом поднял взгляд на нее.

– Новая джамелийская мода. – Поскольку ее неодобрение усилилось, я прибавил: – Их Молли выбрала.

Леди Пейшенс уставилась на них, словно подозревая, что я прячу в штанинах выводок котят. Потом подняла глаза на меня, улыбнулась и сказала:

– Милый цвет. И я уверена – она рада, что ты их надел.

– Да уж.

Пейшенс подняла руку, я протянул ей свою, она поместила ладонь на мое предплечье, и мы начали медленно прогуливаться по Большому залу. Люди расступались перед ней, кланяясь и приседая. Леди Пейшенс, ибо таковой она была этим вечером, степенно наклоняла голову или тепло приветствовала и обнимала гостя, в зависимости от того, чего заслуживал тот или иной человек. Мне хватало того, чтобы просто быть ее сопровождающим, видеть, как она получает удовольствие от происходящего, и стараться сохранить невозмутимое лицо, когда она шепотом выражала свое мнение по поводу дыхания лорда Дардена или жалость в связи с тем, как быстро лудильщик Дэн лысеет. Некоторые гости постарше помнили, что когда-то она была не только хозяйкой Ивового Леса, но и женой принца Чивэла. Во многих смыслах она все еще здесь правила, поскольку Неттл проводила большую часть времени в Оленьем замке в качестве королевского мастера Силы, а Молли, как правило, с удовольствием позволяла Пейшенс поступать, как ей захочется.

«В жизни женщины бывают периоды, когда ей не хватает компании других женщин, – объяснила мне Пейшенс, когда без лишних проволочек переехала к нам в Ивовый Лес пять лет назад. – Девушкам требуется, чтобы в доме была женщина постарше, которая смогла бы объяснить им перемены, происходящие во время взросления. А когда с женщиной происходят другие изменения, в особенности если она

надеялась выносить еще детей, хорошо, если рядом есть та, кому уже довелось пережить такое разочарование. От мужчин в это время попросту никакого толку».

И хотя я очень волновался, организовав торжественную встречу Пейшенс, когда она прибыла с обозом животных, семян и растений, впоследствии она доказала мудрость своих слов. Я знал, что двум женщинам очень редко случается так безмятежно ужиться под одной крышей, и благословлял свою удачу.

Когда мы достигли любимого кресла Пейшенс у очага, я усадил ее там, принес ей чашку сидра с пряностями и сообщил:

– Последние из ваших музыкантов прибыли, как раз когда я спускался по лестнице. Я еще не видел, чтоб они вошли, но подумал, вы захотите знать, что они здесь.

Она вскинула брови, а потом повернулась и окинула комнату взглядом. Третья группа музыкантов направлялась к подмосткам, чтобы занять свое место. Пейшенс снова посмотрела на меня.

– Нет, они все здесь. В этом году я была весьма осторожна в своем выборе. Я сказала себе, что для Зимнего праздника нам требуются люди с горячим нравом, чтобы прогнать холода. Так что, если присмотришься, в каждой из приглашенных мной групп есть кто-то рыжий. Вон там, видишь, женщина распевается? Только глянь на этот водопад темно-медных волос. Не говори мне, что она не согреет этот праздник одним своим настроением.

Женщина и впрямь с виду казалась очень страстной натурой. Она позволила танцорам отдохнуть, заведя длинную песню-историю, больше подходившую для того, чтобы слушать, а не танцевать, и пела глубоким грудным голосом. Слушатели, старые и молодые, придвинулись ближе, пока она исполняла старую балладу о деве, соблазненной Стариком Зимой и унесенной им в ледяную крепость на далеком юге.

Все замерли, поглощенные балладой, и потому я краем глаза заметил движение, когда в зал вошли двое мужчин и женщина. Они огляделись по сторонам, словно в растерянности, и, наверное, они и правда растерялись после долгого пешего пути в вечерних сумерках, сквозь снегопад. Было очевидно, что они пришли пешком, потому что их грубые кожаные штаны промокли до колен. Менестрели часто носят странные наряды, но таких мне еще не доводилось видеть.

Сапоги до колен были желтыми, в коричневых пятнах влаги, кожаные брюки – короткими, едва прикрывавшими верхнюю часть сапог. Куртки были из той же кожи, выкрашенной в тот же бледно-коричневый цвет, а под ними виднелись рубахи из грубой шерсти. Судя по виду, новым гостям было неудобно, как если бы шерсть слишком плотно прилегала к коже.

– А вот и они, – сказал я.

Пейшенс бросил взгляд через зал.

– Я их не нанимала, – сообщила она, оскорбленно фыркнув. – Только глянь на эту женщину, бледна как призрак. В ней совсем нет жара. И мужчины такие же холодные, волосы у них цвета шерсти ледяного медведя. Брр. Мороз по коже от одного взгляда на них. – Потом морщины на ее лбу разгладились. – Ладно. Сегодня вечером я не позволю им петь. Но давай предложим им вернуться в разгар лета, когда леденящая душу история или прохладный ветерок будут в самый раз душным вечерком.

Не успел я ответить на ее предложение, как раздался рык:

– Том! Вот ты где! Как я рад тебя видеть, старый друг!

Я повернулся с той смесью восторга и смятения, которую пробуждают в человеке внезапные визиты любящих друзей, не терпящих условностей. Уэб пересекал зал широким шагом, а Свифт держался за ним. Я широко раскинул руки и отправился приветствовать их. За пару лет дородный мастер Дара сделался шире в объёме. Как обычно, его щеки были такими красными, словно раздумались от ветра. Сын Молли, Свифт, шел в паре шагов позади него, но тут из толпы гостей появилась Неттл и кинулась обнимать брата. Он приостановился, чтобы подхватить ее и радостно закружить. Потом Уэб облапил меня так, что ребра затрещали, и несколько раз сильно хлопнул по спине.

– Ты отлично выглядишь! – сообщил он, пока я ловил воздух ртом. – Почти обрел прежнюю целостность, верно? Ах, вот и моя леди Пейшенс! – Освободив меня из своих неистовых объятий, он изящно склонился над протянутой ему рукой моей мачехи. – Какое у вас роскошное синее платье! Напоминает яркое оперение сойки! Но прошу, скажите, что перья в ваших волосах взяты не у живой птицы!

– Разумеется, нет! – Пейшенс, как и следовало, ужаснулась этой мысли. – Я нашла мертвую птицу на тропе в саду минувшим летом. И

подумала, что это шанс увидеть, что скрывается под милым синим оперением. Но сами перья сохранила, конечно, аккуратно их выщипав, перед тем как сварить тушку до отделения мяса от костей. Когда я вылила бульон из сойки, моя задача заключалась в том, чтобы собрать ее маленькие кости в скелет. Ты знал, что птичье крыло так же похоже на человеческую руку, как перепончатая лягушачья лапа? Сколько там миниатюрных косточек! Что ж, не сомневаюсь, ты догадываешься, что результат где-то на моем рабочем столе, собранный наполовину, как и многие из моих проектов... Но вчера, когда я думала, где бы взять перья, чтобы помочь улететь от наших неприятностей, то вспомнила, что у меня их целая коробка! И к счастью для меня, жучки их не нашли и не съели до самой ости, как приключилось с перьями чайки, которые я попыталась сохранить. Ох! Чайка! Как необдуманно с моей стороны! Прости меня! – Она явно внезапно вспомнила, что Уэб связан с чайкой.

Но мастер Дара добродушно улыбнулся и сказал:

– Мы, наделенные Даром, знаем: когда жизнь заканчивается, остается лишь пустая оболочка. Думаю, никто не понимает это лучше нас. Мы чуем присутствие любой жизни, и одни огни сияют ярче других. Росток для наших чувств не так полон жизненной силы, как дерево. И конечно, олень затмевает и то и другое, а птица сверкает ярче всех.

Я открыл рот, чтобы возразить. С помощью своего Дара я мог ощущать птиц, но они никогда не казались мне особенно полными жизненной силы. Я вспомнил, что Баррич – человек, который вырастил меня и почти заменил мне отца, – сказал мне много лет назад, запрещая работать с ястребами в Оленьем замке: «Ты им не нравишься: ты слишком теплый». Я подумал, что он говорит о моей плоти, но теперь спросил себя, не почувал ли он что-то, связанное с моим Даром, что в то время не смог мне объяснить. Ибо Дар тогда был презираемой магией и, если бы кто-то из нас признался, что обладает им, нас бы повесили, четвертовали и сожгли над водой.

– Почему ты вздохнул? – резко и требовательно спросила Пейшенс.

– Прошу прощения. Я не заметил.

– Но ты вздохнул! Мастер Дара Уэб как раз рассказывал мне весьма замечательные вещи о крыле летучей мыши, и ты вдруг вздохнул, как будто счел нас самыми скучными людьми в целом

мире! – Подчеркивая свои слова, она постукивала веером по моему плечу.

Уэб рассмеялся:

– Леди Пейшенс, я не сомневаюсь, что его мысли были где-то далеко. Я знаю Тома давным-давно и хорошо помню его меланхолическую жилку! О, но я вас присвоил, а ведь и другим гостям требуется ваше внимание!

Обманулась ли Пейшенс? Думаю, нет, но она с удовольствием позволила себя увести очаровательному юноше, которого, несомненно, подослала Неттл, чтобы позволить Уэбу переговорить со мной наедине. Мне было немного досадно, что Пейшенс меня бросила; Уэб прислал мне несколько писем, и я не сомневался, что знаю, в какое русло он направит разговор. Прошло уже много времени с той поры, как я был связан с животным посредством своего Дара. Но то, что Уэб, похоже, приравнивал к ребяческой обиде, сам я был более склонен считать одиночеством вдовца, прожившего в браке слишком долго. Никто не смог бы заменить Ночного Волка в моем сердце, и я не мог себе представить такой связи с каким-то другим созданием. Что ушло, того не вернуть, как он сам говорил. Теперь мне хватало отголосков моего волка, что сохранились внутри. Эти живые воспоминания, такие сильные, что иногда казалось, будто я все еще слышу его мысли, всегда будут предпочтительней любой другой связи.

И потому, пока Уэб разглагольствовал о тривиальных вещах вроде того, как у меня идут дела, как здоровье Молли и был ли урожай в этом году хорошим, я как мог обходил темы, которые могли вывести нас на опасную почву. Уэб, несомненно, хотел перейти к обсуждению моего одинокого статуса и того, как важно, по его мнению, чтобы я глубже понял природу Дара. Мое же твердое мнение заключалось в том, что, поскольку я не намеревался скреплять себя новыми узами до конца своих дней, мне не требовались более глубокие познания о Даре, чем те, какими я обладал сейчас.

И я, кивком указав на «музыкантов», так и стоявших у двери, сказал Уэбу:

– Боюсь, они проделали долгий путь зря. Пейшенс сказала, что для Зимнего праздника нужны рыжеволосые певцы, а блондинов она прибережет для лета.

Я ожидал, что Уэб разделит мое веселое удивление по поводу чудаковатости леди Пейшенс. Чужестранцы не вошли в зал, чтобы присоединиться к веселью, но остались у двери и разговаривали только друг с другом. Они держались как старые товарищи – ближе, чем можно стоять рядом с просто знакомым. У того мужчины, что повыше, было обветренное, морщинистое лицо. Женщина рядом повернулась к нему, глядя в глаза; у нее были широкие скулы и высокий лоб, прорезанный морщинами.

– Блондинов? – спросил меня Уэб, озираясь.

Я улыбнулся:

– Странно одетая троица у двери. Видишь их? В желтых сапогах и куртках?

Он дважды скользнул по незнакомцам взглядом, а потом, вздрогнув, уставился на них в упор. Его глаза широко распахнулись.

– Ты их знаешь? – спросил я, увидев на его лице ужас.

– Они «перекованные»? – спросил он хриплым шепотом.

– «Перекованные»? Да разве такое возможно?

Я уставился на них, спрашивая себя, что могло испугать Уэба. «Перековка» лишала людей всего человеческого, отрывала от сети жизни и сопереживания, от того, что позволяет нам заботиться друг о друге и принимать чужую заботу. «Перекованные» любили только самих себя. Когда-то в Шести Герцогствах их было много – пираты красных кораблей превращали наших людей в наших врагов и возвращали их на родные земли, чтобы те грабили собственные семьи и раздирали королевство изнутри. «Перековка» была темной магией Бледной Госпожи и ее капитана, Кебала Робреда. Но мы одержали победу и отогнали пиратов от наших берегов. Спустя годы после окончания войны красных кораблей мы отправились к последнему оплоту Бледной Госпожи, острову Аслевджал, и покончили с ней навсегда. Созданные ей и Робредом «перекованные» давно отправились в могилы. Эту злую магию никто не применял вот уже много лет.

– Они кажутся мне «перекованными». Мой Дар не может их отыскать. Я едва их чувствую, если не брать в расчет зрение. Откуда они явились?

Как мастер Дара, Уэб полагался на эту звериную магию куда сильнее, чем я. Возможно, она стала его преобладающим восприятием,

ибо Дар наделяет способностью ощущать любое живое существо. Теперь, встревоженный Уэбом, я потянулся своим Даром к вновь прибывшим. Я не обладал его способностью сознательно управлять этой магией, и заполненная людьми комната еще сильнее притупила мои чувства. Новые гости показались мне почти что неощутимыми. Я пренебрег этим, пожав плечами.

– Не «перекованные», – решил я. – Они слишком по-приятельски сгрудились там. Будь они «перекованными», каждый бы немедленно пустился на поиски того, чего ему больше всего хочется, – еды, питья, тепла. Они колеблются, не желая, чтобы их посчитали незваными гостями, и испытывают неудобство оттого, что не знают наших обычаев. Так что они не «перекованные». «Перекованных» не волнуют подобные тонкости.

Я вдруг понял, что говорю совсем как ученик убийцы, воспитанный Чейдом, разбирая по косточкам поведение новоприбывших. Они были гостями, передо мной не стояло задачи их убивать. Я прочистил горло.

– Не знаю, откуда они. Ревел сказал – они объявились у дверей и назвались музыкантами для празднества. Или, возможно, акробатами.

Уэб продолжал на них пялиться.

– Они не то и не другое, – решительно проговорил он. Нотки любопытства послышались в его голосе, когда он объявил: – Давай поговорим с ними и все выясним.

Тем временем трое совещались между собой. Женщина и младший мужчина резко кивнули в ответ на то, что сказал высокий. Потом, словно пастушьи собаки, которым приказали собрать овец, они резко отделились от него и принялись целеустремленно пробираться сквозь толпу. Женщина держала руку у бедра, словно пытаюсь нащупать отсутствующий меч. Они вертели головами и озирались по сторонам, пока шли. Искали что-то? Нет. Кого-то. Женщина привстала на цыпочки, пытаясь заглянуть поверх голов гостей, наблюдавших за сменой музыкантов. Их главный потихоньку отошел обратно к двери. Охранял на тот случай, если их добыча попытается сбежать? Или у меня воображение разыгралось?

– За кем они охотятся? – негромко спросил я, сам того не ожидая.

Уэб не ответил. Он уже начал двигаться в сторону странных чужаков. Но когда он отвернулся от меня, к радостной барабанной

дробь внезапно присоединились веселые голоса и трель дудочки и гости снова хлынули на площадку для танцев. Пары кружились и прыгали, точно волчки, в такт бодрой мелодии, преграждая наш путь и заслоняя мне обзор. Я положил руку на широкое плечо Уэба и увлек его прочь от опасностей танцевальной площадки.

– Пойдем вокруг, – сказал я ему и повел за собой.

Но даже этот путь оказался преисполнен задержек, ибо многие гости желали поздороваться, а такие беседы нельзя завершить поспешно без риска показаться грубым. Уэб, как всегда обаятельный и словоохотливый, как будто утратил интерес к чужакам. Он полностью сосредотачивался на новых знакомых и демонстрировал свое обаяние, просто проявляя живой интерес к тому, кто они такие, чем зарабатывают на жизнь и веселятся ли этим вечером. Я наблюдал за происходящим в зале, но не смог отыскать чужаков взглядом.

Они не грелись у большого очага, мимо которого мы прошли. Я не увидел, чтобы они наслаждались едой или напитками, танцевали или следили за праздником, сидя на скамьях. Когда музыка стихла и волна танцоров схлынула, я решительно извинился перед беседовавшими Уэбом и леди Эссенс и быстрым шагом направился через зал туда, где видел чужаков в последний раз. Теперь я был убежден, что они не музыканты и Ивовый Лес для них не случайное место ночлега. Я пытался не давать воли своим подозрениям: полученное в детстве обучение не всегда служило добрую службу в мирной жизни.

Я ни одного из них не нашел. Тогда я выскользнул из Большого зала в относительную тишину наружного коридора и напрасно поискал их там. Ушли. Я перевел дух и решил умерить свое любопытство. Несомненно, они где-то в Ивовом Лесу – переодеваются в сухую одежду, пьют вино или, возможно, затерялись в толпе танцоров. Я снова их увижу. Пока что я был хозяином этого пира, и моя Молли слишком надолго осталась в одиночестве. Мне следовало заниматься гостями, танцевать с милой женой и наслаждаться красивым праздником. Если они музыканты или акробаты, то скоро дадут о себе знать, ибо нет сомнений в том, что они вознамерятся выиграть благосклонность и щедрые дары собравшихся гостей. Возможно, они искали меня, потому что я распоряжался кошелем, из которого платили артистам. Если я наберусь терпения, они сами появятся. А если они попрошайки или странники, то все равно им

здесь рады. Отчего я вечно воображаю, будто моим любимым угрожает опасность?

Я снова погрузился в водоворот веселья, опять танцевал с Молли, пригласил Неттл присоединиться ко мне во время джиги, пока Риддл ее у меня не украл; помешал Хирсу проверить, сколько медовых пряников он сможет сложить башней на одной тарелке, чтобы повеселить миленькую девушку из Ивняков; от души наелся имбирного печенья, и в конце концов Уэб настиг меня возле бочонка с элем. Он наполнил свою кружку после меня и потом устроил так, что мы оба оказались на скамье недалеко от очага. Я поискал взглядом Молли, но они с Неттл о чем-то переговаривались, сблизив головы, и пока я смотрел, они дружно двинулись к Пейшенс, задремавшей в кресле, чтобы ее разбудить. Она вяло запротестовала, когда мои жена и дочь подняли ее и повели отдыхать.

Уэб заговорил без обиняков.

– Ты идешь против своей природы, Том, – упрекнул он меня, не заботясь насчет того, что кто-то может нас подслушать. – Ты так одинок, что мой Дар ощущает внутри тебя гулкую пустоту. Ты должен открыться для новой связи. Человеку Древней Крови опасно оставаться так долго без партнера.

– Не вижу необходимости, – откровенно сказал я ему. – У меня здесь хорошая жизнь – с Молли, Пейшенс и мальчиками. Я честно тружусь и с удовольствием отдыхаю вместе с теми, кого люблю. Уэб, я не сомневаюсь в твоей мудрости и опыте, но еще я не сомневаюсь в собственном сердце. Мне не нужно ничего сверх того, что у меня есть.

Он посмотрел мне в глаза, и я не отвернулся. Мои последние слова были почти правдивы. Если бы я мог вернуть своего волка, то да, жизнь стала бы куда милей. Если бы я мог открыть дверь и обнаружить на пороге ухмыляющегося Шута, то она бы, несомненно, сделалась полна. Но нет смысла вздыхать по тому, чего не вернешь. Это лишь отвлекает от того, что есть, а в эти дни у меня было много больше, чем за всю прошлую жизнь. Дом, моя супруга, мальчишки, превращающиеся в мужчин под моей крышей, и уютная собственная постель по ночам. Достаточно много запросов из Оленьего замка, чтобы я чувствовал, что в большом мире во мне все еще нуждаются, и достаточно мало, чтобы я понимал – на самом деле они могли бы справиться и сами, позволив мне жить в спокойствии. У меня были годовщины, достойные служить поводом для гордости. Прошло почти восемь лет с тех пор, как Молли стала моей женой. Прошло почти десять лет с тех пор, как я в последний раз кого-то убил.

Почти десять лет с тех пор, как я видел Шута.

И тут сердце мое упало, и внутри меня как будто разверзся бездонный колодец. Я не выдал этого чувства лицом или взглядом. В конце концов, эта бездна не имела ничего общего с тем, как долго я прожил без животного-компаньона. Это была совсем другая разновидность одиночества. Ведь правда?

Может, и нет. Одиночество, которое не сумеет возместить никто, кроме того, чья утрата создала пустоту, – что ж, возможно, это то же самое.

Уэб все еще наблюдал за мной. Я вдруг понял, что гляжу мимо его плеча на танцоров, но танцевальная площадка теперь была пуста. Я снова встретился с ним взглядом:

– Мне и так хорошо, дружище. Мне спокойно. Зачем нарушать это спокойствие? Неужели ты бы предпочел, чтоб я тосковал о большем, когда мне и так дано многое?

Я не смог бы придумать лучшего вопроса, чтобы заставить Уэба перестать из благих побуждений докучать мне. Я видел, как он обдумывает мои слова, а потом на его лице расцвела широкая улыбка, идущая от самого сердца.

– Нет, Том, я бы такого для тебя не хотел, честно. Я умею признавать свои ошибки, и, возможно, мне не стоило все мерить по себе.